

УДК 82.0

**ТВОРЧЕСТВО М. ШОЛОХОВА
В РАБОТАХ С.И. СУХИХ**

© **Болнова Екатерина Владимировна (2020)**, SPIN-код: 7779-0276, ORCID: 0000-0003-4956-642X, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), eka332@yandex.ru

В статье рассматриваются литературоведческие работы профессора Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского С.И. Сухих, посвященные творчеству М. Шолохова. В них всесторонне изучается несколько важнейших вопросов шолоховедения, актуальных и по сей день: споры об авторстве «Тихого Дона», жанровые особенности данного романа, его композиция, система образов, идеологическая составляющая. Особое внимание автор статьи обращает на позицию С.И. Сухих по ключевым вопросам: исторически сложившиеся подходы к изучению романа «Тихий Дон», образ Григория Мелехова как уникальный для мировой литературы образ народного правдоискателя, представителя непривилегированного сословия, значимость жанрового определения «Тихого Дона» как трагедии в форме эпоса. Все названные особенности подкреплены вдумчивым прочтением романа, обращением не только непосредственно к тексту «Тихого Дона», но и к другим произведениям М. Шолохова. Отмечается стремление С.И. Сухих к конструктивному научному диалогу, свободному от личной необоснованной неприязни к автору «Тихого Дона». Обращение к трудам С.И. Сухих может быть полезным не только литературоведам, но и широкой аудитории, включающей в себя школьников старших классов, студентов-филологов, журналистов, учителей литературы и всех, интересующихся творчеством М.Шолохова. В результате проведенного анализа монографий С.И. Сухих, посвящённых творчеству М. Шолохова, делается вывод о значительном и до сих пор недооценённом вкладе профессора Нижегородского государственного университета в изучение наследия автора «Тихого Дона», необходимости переиздания научных трудов С.И. Сухих.

Ключевые слова: М. Шолохов, «Тихий Дон», С.И. Сухих, теория литературы, литературная критика

Научная деятельность профессора Станислава Ивановича Сухих (1939–2013) неразрывно связана с Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского (бывшим Горьковским университетом). Окончив аспирантуру в 1966 году, он стал преподавателем вуза, возглавлял филологический факультет. Ученый активно занимался проблемами истории литературоведения, теории литературы, историей русской литературы XX века. С.И. Сухих является автором 10 монографий и десятков научных работ, каждая из которых остается востребованной в среде филологов и спустя десятилетия после выхода в свет. Это говорит о масштабе личности ученого, чьи труды, безусловно, требуют актуализации и переиздания.

Творчеству М. Шолохова посвящены две монографии С.И. Сухих: «Споры об авторстве “Тихого Дона”» 1999 г. и «“Тихий Дон” М. Шолохова» 2006 г. Обе они являются не просто результатом умозрительной работы автора, но и исследованиями, прошедшими апробацию и нашедшими применение в практике преподавания. На протяжении долгих лет профессор С.И. Сухих читал студентам филологического факультета лекции по творчеству М. Шолохова.

Как следует из заглавия, первая из названных монографий посвящена проблеме авторства «Тихого Дона». Книга состоит из девяти крупных разделов, в которых всесторонне рассматривается данный вопрос. Автор начинает с главы «Шолохов перед судом современности», которая может считаться введением, призванным показать, что вопрос о том, является ли М. Шолохов истинным автором крупнейшего романа XX века, далеко выходит за рамки узколитературоведческих вопросов. В дискуссию вовлечены не только ученые-литературоведы, к ней активно подключаются писатели (А. Солженицын, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, В. Астафьев), журналисты, общественные деятели. Ожесточенность нападок на М. Шолохова заставляет задуматься о том, только ли литературные проблемы волнуют самых активных сторонников версии о плагиате. С.И. Сухих указывает на многочисленные «личные» претензии, предъявляемые Шолохову: «<...> за то, что не имел большого образования, <...> за то, что не раз встречался со Сталиным, <...> за то, что недолго любил диссидентов, <...> за то, что не устранял из текста редакторскую правку...» [Сухих 1999, 4]. Эти и многие другие столь же абсурдные обвинения вызваны сильнейшей ненавистью к М. Шолохову как человеку. И прежде всего, как человеку, создавшему «Тихий Дон».

С.И. Сухих приводит многочисленные цитаты из СМИ, демонстрирующие, что версия о плагиате не только не уходит в историю литературных споров как несостоятельная, но и актуализируется в связи с каждым удобным поводом (например, юбилеем М. Шолохова), а то и безо всяких внешних причин.

Доказав, таким образом, необходимость всестороннего освещения проблемы авторства «Тихого Дона», во второй главе С.И. Сухих обращается к истории вопроса. Собственно, эта часть так и называется: «История вопроса о “плагиате”: шесть “витков” антишолоховской компании». В ней автор подробно останавливается на каждом этапе, связанном с появлением версии о недобросовестности Шолохова и последующими многочисленными возвратами к этой теме. С.И. Сухих тщательно анализирует факты: первые слухи о плагиате, появившиеся в 1928 году после выхода первых двух томов романа, расследование комиссии, состоявшей из верхушки РАППА, настроенной крайне недоброжелательно к М. Шолохову, но признавшей тем не менее, что авторство «Тихого Дона» не подлежит сомнению. Говоря о каждом из этапов, автор монографии разбирает истоки нападок на М. Шолохова, приводит доводы сторон, показывает, как позднее слухи, сплетни, а иногда и откровенный подлог превращаются в «доказательную базу», в которой неотделимы домыслы от фактов. Хронологически вслед за первым наступают второй (1930–1931 гг.), третий (1937–1938 гг.), четвертый (1960-е гг.) и пятый (1970-е гг.) витки. Последний, шестой по счету виток ученый датирует 80-90 гг. минувшего века. Так, он пишет, что «продолжение <...> кампании 70-х годов представляет собой “перестроечный” и современный походы против Шолохова. Газеты, телевидение, радио переполнены антишолоховскими выступлениями, которые совершенно заглушают голоса в защиту Шолохова, к тому же для них затруднен выход в СМИ» [Сухих 1999, 18]. Здесь С.И. Сухих делает некоторое отступление, посвящая отдельную главу проблеме «Шолохов и Солженицын», аргументируя это тем, что «именно Солженицын был и инициатором, и организатором, и духовным отцом всех антишолоховских кампаний последних десятилетий, начиная с издания книги Д. “Стремя Тихого Дона”» [Сухих 1999, 18].

Эта небольшая по объему, но крайне значимая часть монографии раскрывает характер взаимоотношений двух крупных писателей XX века. С.И. Сухих выделяет несколько причин, обусловивших неистовое стремление А. Солженицына очернить М. Шолохова как

плагиатора. Это и творческое соперничество, и политические разногласия, и резко отрицательные оценки М. Шолоховым А. Солженицына и его произведений. Воздерживаясь от явной оценочности, С.И. Сухих с опорой на документальные источники (письма, публичные выступления, свидетельства участников событий) фактически демонстрирует, что отношение А. Солженицына к М. Шолохову подтверждает народную мудрость: от любви до ненависти один шаг. Начав с глубокого уважения и признания в «неизменном чувстве» по отношению к М. Шолохову, А. Солженицын заканчивает яростными нападками на него, после того как узнает, что его «чувства» не взаимны (автор «Тихого Дона» высказался и о личности, и о творчестве А. Солженицына весьма резко и нелюбезно). С.И. Сухих акцентирует внимание на том, что нашумевшая книга «Стремя Тихого Дона» выходит фактически под руководством А. Солженицына.

Четвертая глава – «Был ли плагиат? Pro et contra (“детективный” аспект дискуссии)» – является самой объемной частью монографии. В неймаксимально широко представлены доводы обеих сторон: тех, кто поддерживает версию о плагиате, и тех, кто встает на защиту М. Шолохова. Для удобства восприятия и анализа автор разбивает все аргументы на несколько больших блоков: аргументы биографические (возраст М. Шолохова, его происхождение, образование, родственные связи с Громославским, недостаточность жизненного опыта), аргументы идеологические (принадлежность «подлинного автора» к стану белых, коммунистическая идеология М. Шолохова) и, наконец, аргументы эстетические, непосредственно связанные с текстом, в отличие от других. Обобщая, С.И. Сухих пишет, что «этого рода аргументы сводятся либо к противопоставлению “Тихого Дона” другим произведениям Шолохова с точки зрения уровня художественности, либо к расчленению текста “Тихого Дона” на элементы высокой художественности, приписываемые подлинному “автору”, и на элементы малохудожественные или вообще нехудожественные, приписываемые “соавтору”, т.е. Шолохову» [Сухих 1999, 35]. Автор монографии вслед за сторонниками теории плагиата подвергает подробному анализу «Донские рассказы», «Поднятую целину», «Судьбу человека» и незавершенный роман «Они сражались за Родину». Стремясь к максимально возможной в литературоведении объективности, С.И. Сухих не только основывается на собственном мнении как исследователя русской литературы, но и приводит многочисленные высказывания и критические оценки со стороны обще-

ственных деятелей, писателей, ученых. С.И. Сухих утверждает: «В том, что в творчестве самого Шолохова “Тихий Дон” был и остался самым сильным и глубоким произведением, сомнений нет. Но это не означает, что остальные его вещи литературно заурядны и заслуживают презрительных оценок, на которые не скупятся обвинители Шолохова» [Сухих 1999, 38]. В этом же разделе ученый рассматривает аргументы, связанные с историческими неточностями («обвинители Шолохова <...> требуют совершенно немислимой, невозможной (и ненужной, а то и вредной!) для художественного произведения абсолютной точности в передаче конкретных фактов, событий истории» [Сухих 1999, 42]), справедливо отмечая, что от огрехов не свободны ни роман Л.Н. Толстого «Война и мир», ни «Март семнадцатого» А. Солженицына. Неоднородность текста, несмотря на ее художественную оправданность, также ставится М. Шолохову как «соавтору» в вину. С.И. Сухих на конкретных примерах из романа демонстрирует, что и клишированность некоторых фраз, и формально неправильные построения выполняют важную эстетическую задачу. Для удобства восприятия вся четвертая глава монографии разбита на рубрики: *contra* и *pro*, следующие после каждого из аргументов. В рубриках *contra* изложены аргументы стороны, отрицающей авторство М. Шолохова, а в рубриках *pro* – аргументы стороны, выступающей в защиту М. Шолохова. Такая структура позволяет упорядочить многочисленные разрозненные доводы, сведя их к обозримому количеству, тем более что нападки на М. Шолохова отличаются градусом ненависти, а отнюдь не оригинальностью.

Пятая глава – «Основные кандидаты, выдвигаемые в “авторы” “Тихого Дона”, их “шансы”» – предлагает читателям список истинных «гениев», создавших, безусловно, один из лучших романов XX века. Естественно, все эти «авторы» назначены таковыми без их ведома и согласия, посмертно, так что они не имели возможности отказать от приятного, но незаслуженного звания «автора “Тихого Дона”». С.И. Сухих называет фамилии Голоушева, Крюкова, Громославского, Родионова, Кумова, Гумилёва (последний якобы спасся от расстрела и из глубокого подполья, где он писал «Тихий Дон», передал рукопись М. Шолохову). Ученый приводит многочисленные факты, которые опровергают возможность того, что кто-то из названных кандидатов мог претендовать на авторство в большей мере, чем сам М. Шолохов. С.И. Сухих анализирует биографические данные, свидетельства современников, доказательную базу сторон, в

конце концов, как литературовед исследует тексты претендентов. Завершает данную главу С.И. Сухих ироническим пассажем, достойным Ильфа и Петрова, в котором приводит самые фантастические версии. Так, в романе «Посмотри в глаза чудовищу» Лазарчука и Успенского из будущего самому себе молодому чудесным образом рукопись «Тихого Дона» передает престарелый Шолохов. На то он и фантастический роман, чтобы развлекать читателей замысловатыми сюжетами, однако преподаватель-филолог Львовского университета Сердюченко выдвигает не менее занимательную «научную» версию. С.И. Сухих с изрядной долей юмора излагает и ее в своей монографии. К Громославскому, будущему тестю Шолохова, является некто «Икс» – гений, страдающий агорафобией. «И вот этот “подпольный гений”, – продолжает пересказывать ученый, – живя в подполье сначала у Громославского, а затем у Шолохова, в чей подвал он вернулся после войны, создает все произведения, которые публикует под своим именем Шолохов <...> Написав “Судьбу человека” и не дописав “Они сражались за Родину”, безвестный гений, видимо, исчерпал свой талант» [Сухих 1999, 56]

Шестая глава связана с проблемой рукописей «Тихого Дона». Понимая, что это центральный вопрос в данной полемике, автор прослеживает историю рукописей первого и второго томов, представленных М. Шолоховым в распоряжение комиссии Ульяновой в 1929 году, и рукописей третьего и четвертого томов, практически полностью утраченных во время Великой Отечественной войны, что также ставилось М. Шолохову в вину. На момент написания монографии С.И. Сухих (1999 г.) рукописи первого и второго томов были найдены, но не выкуплены государством. Ученый выражал большие надежды на то, что обретение этих документов поставит точку в вопросе об авторстве «Тихого Дона», которые не оправдались впоследствии, о чем сам филолог писал во второй монографии по творчеству М. Шолохова.

Седьмая глава монографии озаглавлена «Проблема аутентичности текста существующих изданий “Тихого Дона”» и связана с многочисленными редакторскими правками, которые вносились в первоначальный авторский текст на протяжении десятилетий. С.И. Сухих формулирует главную проблему так: «Аутентичного издания текста «Тихого Дона» не существует до сих пор, и в опубликованных изданиях еще нужно отделить шолоховское от нешолоховского – редакторского, а также восстановить выброшенные цензурой

места. Только после этого, если останется еще охота, можно пытаться применить гипотезу “автор-соавтор” для расчленения текста» [Сухих 1999, 59]. Показав на конкретных примерах, насколько чужое вмешательство повредило изначальному тексту романа, ученый приходит к выводу: «Если не самой важной, то одной из важнейших задач шолоховедения сейчас является текстологическая работа, восстановление подлинного шолоховского текста “Тихого Дона”, его научное издание с учетом всех имеющихся теперь вариантов рукописей» [Сухих 1999, 62]¹.

Небольшая по объему восьмая глава монографии посвящена анализу причин ненависти к Шолохову. С.И. Сухих считает важным проанализировать и этот, казалось бы, не имеющий отношения к литературоведению вопрос, так как масштабы кампании антишолоховедов поистине беспрецедентны для русской литературы. Они сопоставимы разве что с вопросами об авторстве произведений Гомера и Шекспира в мировой литературе (например, в фильме «Аноним» 2011 года истинным автором произведений Шекспира выступает Эдуард де Вер, граф Оксфорда; фильмов, посвященных разоблачению Шолохова, насколько нам известно, еще не снято, но это, скорее всего, лишь вопрос времени). В числе основных причин ненависти к автору «Тихого Дона» С.И. Сухих указывает зависть, неприятие политической идеологии М. Шолохова, русофобию многих антишолоховедов.

Завершает С.И. Сухих монографию главой «“Аналитический” аспект дискуссии. Методология и научные результаты применения гипотезы “автор – соавтор” к исследованию “Тихого Дона”», в которой снова возвращается к разговору непосредственно о тексте романа. Ученый-филолог дает оценку попыткам «четвертовать» роман, разделяя его на первоначальную «гениальную» рукопись, принадлежащую истинному автору, и вставки «бездарного» Шолохова. При этом С.И. Сухих оговаривается: «Методологию, научные и практические результаты такого анализа необходимо выявить, взвесить и оценить. Правда, для того, чтобы увидеть и оценить их во всем объеме и со всем их убожеством, нужно иметь представление о соб-

---

¹ Академическое издание «Тихого Дона» было издано ИМЛИ РАН им. А.Н. Горького в 2017 году. Оно основывается на полном сопоставлении всех текстов романа, изданных при жизни автора, а также рукописей и автографов, хранящихся в ИМЛИ РАН, ИРЛИ РАН и РГАЛИ.

ственно научных результатах исследований “Тихого Дона”. Но даже и без этого оценка такой методологии вполне возможна. Здесь я обращаю внимание на главное – на то, что с ее помощью делается попытка расчленения, то есть убийства гениального романа» [Сухих 1999, 66]. С.И. Сухих воспроизводит результаты гипотезы, выдвинутой И. Медведевой-Томашевской и А. Солженицыным, поддержанной З. Бар-Селлой и супругами Макаровыми. Эта гипотеза заключается в попытках реконструкции протографа. Сравнивая полученные в результате этого «тексты» с «испорченным» шолоховским вариантом «Тихого Дона», ученый демонстрирует, что «вместо обещанного идеально гармонического “протографа” в итоге “реконструкции” явилось нечто фрагментарное, раздробленное и несвязное» [Сухих 1999, 75]. Будучи академическим ученым, стремящимся к с объективности, С.И. Сухих тем не менее дает и эмоциональную оценку полемике об авторстве «Тихого Дона»: «В дискуссии <...> поражает прежде всего примитивизм доказательств, которыми оперируют критики Шолохова. Шолоховские ненавистники просто дискредитируют себя и саму проблему таким уровнем дискуссии» [Сухих 1999, 76–77].

В заключении монографии С.И. Сухих делает нерадужный прогноз, который находит свое подтверждение: «Дискуссия об авторстве “Тихого Дона” не закончена. Она будет возникать вновь и вновь. Об этом свидетельствует опыт дискуссий об авторстве “Илиады” и шекспировских трагедий. Питать ее будет не только интерес к главному литературному шедевру XXвека, но и ненависть и зависть лично к Шолохову. Так что “старое” будет вновь и вновь “начинаться сызнова”, как писал в конце первой книги “Поднятой целины” ее автор» [Сухих 1999, 78].

Заканчивая разговор о монографии С.И. Сухих «Споры об авторстве “Тихого Дона”», остается только добавить, что ученый был абсолютно прав, говоря о том, что никакие доводы, никакие рукописи не убедят сторонников версии о плагиате отказаться от попыток очернить М. Шолохова. Сейчас эта «дискуссия» вылилась на просторы интернета, где, как известно, смакуют сенсации и разоблачения, избегая хоть какой-то ответственности за свои слова. На сайте одного из крупнейших книжных интернет-магазинов «Лабиринт» в авторской рубрике Афанасия Мамедова просят высказываться «литературоведа, лингвиста, автора книги «Литературный котлован. Проект “Писатель Шолохов“» Зеева Бар-Селлу; писателя Антона

Уткина, более двадцати лет занимающегося исследованием этой темы; филолога, историка литературы и литературного критика, профессора РГГУ Леонида Кациса; поэта, переводчика, историка литературы, автора книги о Федоре Крюкове “Запрещенный классик” Андрея Чернова, также долгое время занимающегося исследованием “Тихого Дона”» [Мамедов]. Как это обычно и бывает, перечисление титулов и званий должно произвести впечатление на неискущенного читателя и не дать ему усомниться в словах «экспертов». Они приводят и уже упоминаемых ранее «авторов», и более сложные версии (Шолохов – проект чекистов), но все они сходятся в одном: автором «Тихого Дона» готовы признать хоть черта, хоть бога, но не Михаила Шолохова.

Вторая монография С.И. Сухих, связанная с творчеством Шолохова, охватывает более широкий круг проблем. Она состоит из двух больших частей, первая из которых, по словам автора, «посвящена истории научного освоения шолоховского романа; в ней дается анализ основных интерпретаций романа, научных концепций, сложившихся в шолоховедении 40-х – 80-х гг.» [Сухих 2006, 2]. Если обратиться к более детальному рассмотрению этой части, то стоит отметить, что в первой главе ученый вновь возвращается к проблеме авторства «Тихого Дона», изложив историю обретения рукописей первого и второго томов, а также дает характеристику «конвульсиям “антишолоховедения”»: версиям, появившимся на свет после выхода первой монографии.

Главы со второй по шестую посвящены основным подходам к изучению и интерпретации «Тихого Дона» в истории литературоведения. Хронологически первой возникает концепция «отщепенства». Как следует из названия, основной посыл концепции связан с тем, что главный герой романа – народ, а не Григорий Мелехов. Он отщепенец, ибо идет против народа. Анализируя исторические предпосылки возникновения данной концепции, С.И. Сухих пишет о том, что она «сложилась в те времена, когда о трагизме революционной эпохи говорить было не принято, и советским литературоведением признавалась лишь “оптимистическая” трагедия гибели борцов за революцию. Других форм трагического, особенно возникающих на почве самих революционных конфликтов, как бы не существовало» [Сухих 2006, 21]. Остановившись подробно на проблеме главного героя, социально-исторической основе трагедии «отщепенства», трактовке узловых моментов сюжета (такowymi С.И. Сухих считает

бой под Глубокой, столкновение с Подтелковым, белогвардейскую мобилизацию, разговор в ревкоме, восстание казаков, решение Мелехова примкнуть к Красной армии и, наконец, участие в банде Фомина), философском содержании концепции «отщепенства», проблеме трагической вины и эволюции образа Григория Мелехова, а также на ряде других вопросов (сущность авторской позиции, специфика трагического в романе, проблема типичности образа Григория Мелехова), С.И. Сухих делает ряд выводов. Во-первых, он отмечает, что «с точки зрения методологической, это социологический подход, <...> даже вульгарно-социологический» [Сухих 2006, 37]. Во-вторых, «в социологическом плане здесь вскрывается социально-историческая основа колебаний, которая была одной из объективных предпосылок трагедии Григория Мелехова. Подчеркнем: не сама трагедия раскрывается, а некоторые особенности той объективной почвы, на которой она возникла» [Сухих 2006, 37–38]. В-третьих, «социологический и философский аспекты этой концепции не согласуются между собою: социологический анализ направлен на выявление объективного начала в трагическом содержании романа, философская же трактовка строится на понимании трагического лишь как субъективного и случайного» [Сухих 2006, 38]. Главный вывод, который делает С.И.Сухих, заключается в следующем: «Безусловно ошибочна, хотя и вытекает из логики концепции, мысль о разрушении личности, деградации характера Григория Мелехова – мысль, которая на долгие годы определила неверный подход к шолоховскому герою: выискивание в нем все новых и новых отрицательных качеств» [Сухих 2006, 38].

Следующая концепция, на которой останавливается автор монографии, – концепция «исторического заблуждения». Пик ее популярности приходится на конец 1950-х – первую половину 1960-х гг. С.И. Сухих воспроизводит позицию сторонников данной теории по тем же самым вопросам, показывая, как меняется отношение к главному герою, который теперь воспринимается не как отщепенец от народа, а как жертва исторического заблуждения казачьей массы. Акцент в анализе взаимоотношений Григория Мелехова и народа делается на связи героя с казачеством, его колебаниями и заблуждениями. Важными становятся сцена на майдане, уход из армии Краснова, восстание казаков и попытка найти «третий путь» в гражданской войне, возвращение к красным и, наконец, участие в банде Фомина, которое трактуется как неизбежная и закономерная расплата,

возмездие за прошлые заблуждения. Трагедия Григория при такой трактовке не безысходна, поскольку «трагедия заблуждающейся массы исторически разрешима» [Сухих 2006, 59]. Значительным шагом вперед на пути осмысления «Тихого Дона» становится признание того, что Григорий Мелехов в конце романа – «столь же высокая, сильная и прекрасная личность, как и в начале» [Сухих 2006, 62]. В конце главы С.И. Сухих снова подводит итоги, формулируя их предельно четко: «В плане методологии эта концепция являет собой пример социально-исторического подхода» [Сухих 2006, 65]. Концепция «исторического заблуждения» «базируется на достаточно прочной научной основе гегелевско-марксистского понимания природы трагического конфликта. Ее философско-эстетические послышки основательны и глубоки, хотя в конкретном анализе, в применении их к анализу художественного текста авторы порой недостаточно диалектичны» [Сухих 2006, 66]. Главным недостатком концепции С.И. Сухих считает «сильный элемент фатализма» [Сухих 2006, 66], при котором Григорий фактически лишь является флюгером, фиксирующим изменение настроения народных масс, он лишается свободы воли, а следовательно, снимается проблема трагической вины героя, вся ответственность перекладывается на историю.

Концепция «сочувствия» формируется в работах Ф. Бирюкова и А. Хватова середины 1960-х гг. Она базируется на том, что в центре «Тихого Дона» личность поистине трагического героя, который «встал <...> на грани в борьбе двух начал, отрицая оба их». Должное и реальное в судьбе Григория Мелехова переплетаются в каждом ключевом поступке. Несмотря на то что душа его лежит к красным, он не может до конца стать своим в их стане. Причину сторонники концепции «сочувствия» видят в том, что Григория «оттолкнули недоверием, неумной политикой, перегибами и жестокими, неоправданными репрессиями» [Сухих 2006, 76]. В ходе начавшейся полемики были обнародованы многочисленные исторические архивные документы, раскрывающие реальные случаи убийств, несправедливых судов на Дону во время гражданской войны. И Штокман, и Кошевой в романе Шолохова часто поступают сурово, подталкивая казаков к восстанию. С.И. Сухих пишет: «Авторы концепции “сочувствия” акцентируют внимание на тех сценах и эпизодах романа, тех сюжетных узлах, в которых концентрируются конфликтные моменты отношений Григория с представителями Советской власти» [Сухих 2006, 85]. Таковыми становятся опять же столкновение с

Подтелковым, столкновение Григория с красноармейцами на вечеринке, когда его пытались убить, разговор в ревкоме, недоверие в Конной армии Буденного. Проблема трагической вины концепцией «сочувствия», по сути, полностью снимается: «Вины Григория нет. Зато решительно и остро поставлен вопрос о вине истории, точнее, о трагической вине Советской власти перед Григорием и такими, как он» [Сухих 2006, 95]. Основным достоинством концепции «сочувствия» С.И. Сухих считает конкретно-исторический подход к анализу романа. Ее сторонникам удалось показать, что в «Тихом Доне» отсутствуют односторонность и тенденциозность в освещении событий тех лет. Также бесспорно важным является привлечение внелитературного материала: писем М. Шолохова М. Горькому, материалов, свидетельствовавших о политике «расказачивания» и репрессиях на Дону. Заслуживающей внимания С.И. Сухих считает и идею «связи времен», которая учитывала и тот конкретно-исторический момент, в который создавались третий и четвертый том. Важно отметить, что сторонники концепции «сочувствия» «сконцентрировали все свое внимание на “перегибах” и были правы в том смысле, что главным сюжетно-тематическим узлом, в котором сходятся все нити монументального произведения, является художественный анализ причин и следствий донской “Вандеи”, Вешенского восстания» [Сухих 2006, 100]. Однако, как отмечает С.И. Сухих, «сводить все причины лишь к перегибам – значит подменять целое частным. Это самая слабая сторона концепции «сочувствия», и если иметь в виду не анализ собственно исторического события, отраженного в «Тихом Доне», а сам роман, то следствием такого подхода и такой методологии анализа стало сужение, редуцирование трагедийного комплекса шолоховской эпопеи» [Сухих 2006, 100].

В 1970-е – 1980-е гг. в шолоховедении активно развивается философско-эстетический подход к анализу «Тихого Дона». Как пишет С.И. Сухих, концепция эта «существует не как четко сформулированная и изложенная каким-либо одним автором теория или идея, а как некая тенденция, намеченная в ряде работ, не связанных друг с другом, как совокупность родственных точек зрения, высказанных по разным поводам и разными авторами» [Сухих 2006, 101]. Ученый обобщает эти точки зрения и подходы, с тем чтобы придать им вид определенной целостной концепции. «В центре ее – характер Григория Мелехова как психологическое и эстетическое явление и стоящие за ним масштабные философские проблемы нравственности,

народной этики и гуманизма» [Сухих 2006, 101]. Противостояние человека и мира в романе «Тихий Дон» существует в двух вариантах трагического конфликта в зависимости от того, каким представляется движущий мотив поступков Мелехова. С одной стороны, он отстаивает идеалы гуманизма, «отброшенные временем» гражданской войны. Человечность Григория проявляется в многочисленных примерах из текста романа: защита Франи, выстрел в Чубатого, столкновение с Подтелковым, убийство Котлярова и реакция на это Мелехова и т.д. С другой стороны, Григорий вступает в столкновение с миром, эпохой и историей, отстаивая неосуществимый в данных исторических условиях идеал, и «терпит крах, опережая время, предъявляя миру невозможные требования» [Сухих 2006, 116]. Анализируя центральные эпизоды романа, С.И. Сухих так отвечает на вопрос о том, за что борется Григорий: «За справедливость. За подлинное равенство – не на словах, а на деле. За свободу личности. За свою, самими людьми избранную власть. За братские отношения между людьми. За правду» [Сухих 2006, 116], то есть за идеалы той самой революции, которая в лице своих представителей объявила Григория своим врагом. В рамках данной концепции важное значение приобретает и трагедия незрелой мысли Григория. Ученый отмечает, что в «Тихом Доне» «фигура крестьянина-правдоискателя без малейшей натяжки, без условностей и фантастических допущений встала в центре строго реалистического повествования» [Сухих 2006, 125]. С этим связано то, что «Григорий терпит крах в своем правдоискательстве, в частности, еще и потому, что ему необычайно трудно понять, охватить мыслью, разумом сущность тех сложных и противоречивых событий, в эпицентре которых он оказался» [Сухих 2006, 125]. Главное достижение данной концепции С.И. Сухих видит в том, что она поднимает проблему анализа образа Григория Мелехова как правдоискателя, пытающегося обрести истину, объединяющую всех людей. В заключении шестой главы ученый пишет: «В трагически разорванном гражданской смутой времени искатель такой правды, носитель такого идеала неизбежно одинок, исключителен и в судьбе своей трагичен. Поэтому трагический комплекс “Тихого Дона” в изображении столкновения такого человека с таким миром объемлет, включает в себя содержание всех форм трагического конфликта» [Сухих 2006, 131–132].

Вторая часть монографии С.И. Сухих полностью посвящена художественным принципам шолоховского эпоса. В первой главе рас-

92

крываются принципы трагического в «Тихом Доне». Выступая против доминантного подхода к анализу романа, С.И. Сухих демонстрирует, насколько при таком толковании сужается его осмысление (в качестве доминант выдвигались такие черты Григория, как собственничество, индивидуализм, незрелость мысли). Автор монографии считает, что «в романе Шолохова нет установки на психологическое исследование характера в смысле прослеживания этапов его эволюции, процесса внутреннего развития. Установка в нем другая: 1) дан характер как сложный комплекс, уже с самого начала развернутый чрезвычайно многосторонне и остающийся таким до конца; 2) характер этот ставится в острейшие ситуации, в сложные, многосторонние взаимосвязи тяжелых трагических коллизий; 3) и прослеживается его судьба в этих коллизиях» [Сухих 2006, 135]. Характер Григория Мелехова – это характер трагического героя, сильные стороны личности которого выделяют его среди других людей, но они же приводят его к катастрофе. Трагическое в романе возникает как итог сочетания объективных и субъективных факторов: столкновение характера Григория Мелехова с историческими обстоятельствами неизбежно приводит к возникновению трагического конфликта. Это очень ярко проявляется в столкновении Мелехова и Кошевого: Шолохов «показывает закономерность поведения каждого из антагонистов и вытекающую из этого неизбежность трагического разрешения их конфликта. Все стягивается в жизненный узел, из которого нет благополучного исхода: Кошевой не мог действовать иначе, Григорий тоже не мог действовать иначе. И обстановка на хуторе не могла быть иной. Сталкиваются, пересекаются три закономерности, и в точке их пересечения возникает СЛУЧАЙНОСТЬ – трагический поворот судьбы героя, – случайность, которая неизбежнее всякой закономерности. Это та случайность, которую философы-диалектики считают формой проявления необходимости» [Сухих 2006, 144–145].

Важно, что при этом автор не снимает проблему выбора и свободы воли героев, которые в каждой конкретной ситуации имеют возможность принять разные решения. С этим неразрывно связана и проблема трагической вины, введенная в эстетическую теорию трагического Гегелем. Именно такое содержание данная категория имеет в романе Шолохова: это следствие, результат, обратная сторона активности и силы трагического героя. Проанализировав ключевые эпизоды «Тихого Дона», С.И. Сухих делает вывод: «В каждой из

таких сцен романа Шолохов освобождает своего героя от вины в прямом значении этого слова, и с тем большей полнотой говорит о вине в высшем, нравственном, философском смысле» [Сухих 2006, 150].

В следующей главе автор рассматривает теоретические проблемы эпопеи, останавливаясь на вопросе о романе-эпопее в истории русской литературы XX века, истории возникновения жанра, анализе критерия «события» как структурной основе эпоса, отличии эпического способа раскрытия характера от драматического, вопросе о соотношении эпопеи и романа. С.И. Сухих анализирует тезис Гегеля о «героическом состоянии мира» как содержательной основе эпопеи и «прозаическом состоянии мира» как содержательной основе романа. Отдельные параграфы раскрывают конфликтную основу эпопеи и общие принципы ее сюжетно-композиционной организации. Завершает вторую главу освещение вопроса о проблеме художественной завершенности эпопеи. Достаточно объемные теоретические главы подводят к вопросу о жанре «Тихого Дона», который С.И. Сухих определяет как трагедию в форме эпоса.

С.И. Сухих формулирует научную гипотезу, связанную с тем, что соединение эпического и трагического начал можно наметить в трех сферах: «в сфере жанрового содержания (и это будет почва синтеза), в сфере характерологии (т.е. в эстетическом центре произведения), в сфере основных сюжетобразующих элементов и сюжетно-композиционных связей» [Сухих 2006, 185]. Далее автор монографии последовательно останавливается на обозначенных сферах, выявляя элементы трагического и эпического. Важнейшим становится вопрос о том, можно ли на материале гражданской войны создать эпопею, возможность чего, опираясь, естественно, на другой исторический материал, отрицал Гегель. С.И. Сухих отвечает на данный вопрос положительно, отмечая, что «жанровая форма эпопеи для выражения такого содержания должна была трансформироваться, видоизмениться, приобрести новые черты» [Сухих 2006, 178]. Опуская аналитическую часть данной главы, приведем выводы, к которым приходит С.И. Сухих: «С точки зрения эстетической, с точки зрения жанровой формы, “Тихий Дон” – поистине “роман века”, роман XX века, так как в нем находит наиболее адекватное художественное выражение одно из главных событий русской и мировой истории этого столетия – русская революция» [Сухих 2006, 200] – и далее: «“Тихий Дон” – это не “как «Илиада»” и не “как «Война и 94

мир». Это совсем другая «Илиада», совсем другая «Война» и другой «Мир». Это «Илиада» XX века» [Сухих 2006, 200].

Четвертая глава монографии С.И. Сухих посвящена жанровым корням «Тихого Дона», которые, по мнению ученого, восходят к «Тарасу Бульбе» Гоголя. Отталкиваясь от слов Белинского, назвавшего повесть Гоголя дивной эпопеей и трагедией в форме эпоса, С.И. Сухих говорит о жанровой соотносительности этих двух произведений при заметной разнице объема. Также он утверждает, что сам характер материала, социально-историческая и философская проблематика «Тихого Дона» и «Тараса Бульбы» дают повод к их сближению. «Переключка Шолохова с Гоголем состоит в том, что это, в сущности, переключка “потомков” из “Тихого Дона” с “предками” из “Тараса Бульбы”» [Сухих 2006, 209], однако «трагедия в “Тихом Доне” гораздо сильнее и глубже, мрачнее и беспощаднее, чем в “Тарасе Бульбе”» [Сухих 2006, 210]. Также прослеживается общность в изображении характеров и типа жизни. Оба произведения сближает неразрывное переплетение эпического, трагического и комического, а кроме того, присутствие лирического начала в повествовании, реализующееся в форме многочисленных авторских восклицаний, риторических вопросов, вставок-размышлений, отступлений. Однако при всех перечисленных сходствах у сопоставляемых текстов есть существенное объективное различие: «Романтическому и по преимуществу внешнему, в авторском комментарии развернутому, способу характеристики персонажей и отсутствию полноты, универсальности в изображении действительности и типа жизни в гоголевской повести в шолоховском эпосе противостоит самый суровый, трезвый, “свирепый” реализм в изображении жизни и характеров, углубленный и очень многосторонне развернутый психологизм в изображении человека и поистине эпопейная, энциклопедическая полнота и широта изображения действительности» [Сухих 2006, 215].

Следующая глава монографии закономерно посвящена раскрытию того, как в сюжете и композиции «Тихого Дона» реализуется принцип эпической полноты. Если для романа характерна полнота разработки определенной проблемы, то в эпопее воссоздается вся полнота жизни, в таком произведении невозможно выделить ряд проблем без абстрагирующего усилия. Ощущение диалектики движения жизни передается через построение и движение сюжета. «В эпопее вовсе необязательно каждое ружье должно стрелять. В сюже-

те ее вполне естественны и закономерны отступления, ответвления, движение назад, перебивы линий разных героев, вводные эпизоды или новеллы, – то, что совершенно невозможно и немислимо в драме, в трагедии» [Сухих 2006, 218], – пишет С.И. Сухих.

Своеобразие героя «Тихого Дона» и проблема народности рассматриваются в шестой главе монографии. Разительным отличием произведения Шолохова и от романов XIX века, и от самых значительных произведений русской и европейской литературы XX века является тип героя. ««Тихий Дон» – единственная в литературе XIX–XX вв. эпопея, в центре которой стоит народный характер в собственном смысле слова, характер крестьянина. Весь героический смысл и трагические контрасты эпохи даны через судьбу, переживания, искания мужика. Сложнейшие проблемы, философия истории раскрываются непосредственно через народные сцены и народные характеры» [Сухих 2006, 227]. При этом впервые в мировой литературе образы людей из народа эстетически равноценны героям величайших произведений Шекспира, Толстого, Достоевского. Закономерно, что М. Шолохов оказался перед сложнейшей художественной задачей, так как в литературе не были наработаны средства раскрытия характера крестьянина, прежде всего в сфере психологического анализа. М. Шолохов следует за Л.Н. Толстым и уходит от него. Именно эта проблема раскрывается в седьмой главе монографии С.И. Сухих.

М. Шолохову, как и Л.Н. Толстому, удается добиться слияния исторического и человеческого через отражение в судьбе каждого героя событий истории. «Все композиционные узлы, все повороты сюжетных ситуаций неизменно связаны с существенными моментами “частной” жизни Григория Мелехова <...> Благодаря этому эпопея обрела внутреннее единство, “стягивающий центр”. Характер Григория Мелехова фокусирует всю панораму романа на главном в эпохе» [Сухих 2006, 232]. Однако раскрытие характера героя «Тихого Дона» невозможно было осуществить теми же средствами, которые активно использует Л.Н. Толстой в «Войне и мире» (диалектика души, по определению Н.Г. Чернышевского), поэтому М. Шолохов оказался перед сложнейшей задачей. Проблему психологического анализа М. Шолохова С.И. Сухих разбивает на ряд более частных вопросов, первый из которых – художественный психологический анализ народного сознания. Ученый прежде всего осмысляет, почему автор романа не мог воспользоваться наработанными литерату-

рой средствами раскрытия душевных переживаний своих героев. Во-первых, внутренние монологи простых малограмотных казаков смотрелись бы искусственно и неуместно. «Эстетическая фальшь бросалась бы в глаза» [Сухих 2006, 245], – подчеркивает он. Во-вторых, центральные герои «Тихого Дона» – люди сильного и цельного характера, не склонные к рефлексии. В-третьих, Григорию Мелехову как трагическому герою более соприродно действие как естественная реакция на события. Кроме того, С.И. Сухих подмечает еще одну важную особенность: если для интеллигентов рефлексия, самоанализ, углубленные размышления являются привычными и даже необходимыми формами работы сознания, то для Григория они чрезвычайно тяжелы и неудобны. В этом моменте рассуждений С.И. Сухих вплотную подходит к вопросу о том, какими средствами и способами анализа психологии, наработанными русской классикой до него, пользуется М. Шолохов. Таковыми становятся пушкинско-тургеневско-чеховская «тайная психология» и толстовский «активный психологизм», которые в равной мере обнаружимы в романе М. Шолохова.

Тайная психология, или пассивный психологизм, сводится к тому, чтобы отражать внутреннее во внешнем, а активный психологизм, или диалектика души, во многом заключается в том, чтобы психологически расшифровывать каждый поступок, жест, выражение лица. С.И. Сухих на конкретных примерах из текста «Тихого Дона» показывает, как работают оба эти способа раскрытия психологизма. Ученый делает вывод: «Объективный по преимуществу способ психологического анализа, его глубина и многомерность, соответствие стиля материалу, теме и жанровому принципу – одно из главных условий художественного совершенства “Тихого Дона”» [Сухих 2006, 262].

Важнейшую роль в «Тихом Доне» играет пейзаж: по словам С.И. Сухих, «это как музыкальный ряд в фильме. По сути дела, в “Тихом Доне” (да и в “Поднятой целине”) мы имеем сплошной поток образов природы, (а не отдельные включения), поток, который сливается в цельный пейзажный фон со своим сюжетом. И сюжет этот движется параллельно основному эпико-трагедийному действию и во взаимосвязи с ним. Пейзаж в “Тихом Доне” – своеобразное зеркало всего сложного сюжетного движения романа» [Сухих 2006, 263]. Для произведения М. Шолохова характерен принцип «двойного уподобления», при котором мир природы и мир людей

пребывают в некоем синкретизме. Психологический и философский пейзажи на равных присутствуют в «Тихом Доне», выполняя в каждом конкретном случае определенную художественную задачу. Психологический пейзаж выступает проекцией внутреннего состояния героев, а свободный пейзаж чаще всего становится средством выражения авторской позиции. «Философское подытоживание – основной смысл такого относительно самостоятельного пейзажного потока, пейзажного фона “Тихого Дона”» [Сухих 2006, 277]. Пейзажный параллелизм распадается на психологический и эпический. Первый тип широко представлен в классической литературе и не требует дополнительных комментариев, кроме того, что в произведении Шолохова пейзажный образ, даже служа раскрытию состояния человеческой души, сохраняет свою самоценность. Эпический пейзажный параллелизм представлен в тексте в нескольких разновидностях: пейзаж-предварение, пейзаж-«сопровождение» события и пейзаж-итог, примеры которых приведены в девятой главе монографии С.И. Сухих. Кроме того, автор говорит о трагическо-символическом пейзажном параллелизме, который связан с кульминационными трагическими моментами развития сюжета. Например, бешеная скачка Григория перед тем, как в бою он зарубил четырех матросов. С данным типом параллелизма связаны и пейзажные образы-символы в романе: образ перекасти-поля, багряно-черных срезанных головок тюльпанов, летящих из-под копыт лошадей, и, разумеется, черное небо с сияющим черным диском солнца. В конце главы С.И. Сухих резюмирует: «Сплошной пейзажный поток – это не просто фон, но функционально важнейший элемент образной системы романа, несущий на себе громадную психологическую и философскую нагрузку. Сам этот параллельный эпико-трагедийному событийному ряду и развертывающимся глубоким и острым психологическим и идейным коллизиям, чреватым трагическими развязками, “пейзажный сюжет”, создавая картину непрерывно движущейся, непрекращающейся, вечно обновляющейся жизни, содержит в себе мощное жизнеутверждающее начало» [Сухих 2006, 289].

Следующая глава связана с функциями комического в романе М. Шолохова «Тихий Дон». Среди основных С.И. Сухих называет следующие: композиционная, идейная и психологическая. Композиционная связана с тем, что сцены остро драматические и трагические чередуются с комическими, чтобы снять напряжение и подготовить к новому трагическому узлу. С.И. Сухих же выделяет еще

98

один аспект данной функции, при котором «смешное и нелепое становится выражением подлинно драматических состояний» [Сухих 2006, 295], например, комические эпизоды жизни Пантелея Прокофьевича происходят в момент нарастания драматических событий на Дону. Идейная функция связана с тем, что с помощью комического герои выражают позитивное или негативное отношение к явлениям действительности. А психологическая функция выражается в отношении к юмору как черте народного, национального характера, помогающей выдерживать удары судьбы.

Последняя глава («Художественная объективность шолоховского эпоса») раскрывает вопрос о «сущности и своеобразии авторской позиции, авторской “точки зрения” в “Тихом Доне” в отношении объекта изображения, т.е. воссоздаваемого в романе “события” революции и гражданской войны» [Сухих 2006, 305]. С.И. Сухих в данной главе убедительно доказывает: шолоховская позиция сводится к тому, что в гражданской войне нет победителей, поскольку жизнь всегда оказывается сильнее и мудрее любых узких идеологий. «Высшая художественная объективность автора “Тихого Дона” сказывается во всем: в характерах, в построении композиции и сюжета, в структуре повествования, в авторских отступлениях. А в первую очередь она связана с тем, что в центр романа помещен не рыцарь “белой” идеи, и не рыцарь идеи “красной”, а правдоискатель Григорий Мелехов, вставший “на грани в борьбе двух начал, отрицая оба их”. Это ключевая фраза всего романа, определяющая <...> философский, содержательный, да и художественный фокус всего произведения» [Сухих 2006, 312]. Этой объемной цитатой можно завершить обзор монографий С.И. Сухих, касающихся творчества М. Шолохова.

В заключение стоит отметить, что у С.И. Сухих очень яркий, узнаваемый слог. Читая его монографии, буквально слышишь его голос. Голос человека, не боявшегося высказывать свои взгляды даже тогда, когда они шли в разрез с общепринятыми, человека, который был открыт к конструктивной дискуссии, но не склонен к конформизму. С.И. Сухих был ученым той эпохи, которая дала миру исследователей, ставивших интересы истины и науки с большой буквы выше собственных. Труды С.И. Сухих не потеряли своей актуальности, они полемичны, концептуальны и написаны языком, доступным каждому, кто интересуется проблемами русской литературы и литературоведения.

Источники

Шолохов 2017 – Шолохов М.А. *Тихий Дон*. Научное издание. В 2-х т. М., 2017.

Литература

Мамедов – Мамедов А. О чем молчит река. Об авторстве «Тихого Дона». URL: <https://www.labirint.ru/now/tihiy-don-mamedov> (дата обращения 12.10.2020).

Сухих 1999 – Сухих С.И. *Споры об авторстве «Тихого Дона»*. Н. Новгород, 1999.

Сухих 2006 – Сухих С.И. *«Тихий Дон» М. Шолохова*. Н. Новгород, 2006.

CREATIVITY OF M. SHOLOKHOV IN THE WORKS OF S. I. SUKHIKH

© **Bolnova Ekaterina Vladimirovna (2020)**, ORCID: 0000-0003-4956-642X, SPIN-code: 7779-0276, PhD in Philology, assistant Lecturer, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarina Avenue), Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation), eka332@yandex.ru

The article discusses the literary works of S.I. Sukhikh, professor of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, dedicated to the work of M. Sholokhov. Prof. Sukhikh gives a comprehensive review of several important issues of Sholokhov studies that are still relevant to this day: disputes about the authorship of "And Quiet Flows the Don", genre features of this novel, its composition, image system, and ideological component. The author pays special attention to the position of S.I. Sukhikh on key issues: historical approaches to the study of the novel "And Quiet Flows the Don", the image of Grigory Melekhov as a unique image for world literature of a folk truth-seeker, a representative of the non-privileged class, the significance of the genre definition of "And Quiet Flows the Don" as a tragedy in the form of an epic. All these features are supported by a thoughtful interpretation of the novel, referring not only directly to the text of "And Quiet Flows the Don", but also to other works of M. Sholokhov. S.I. Sukhikh was ready for a constructive scientific dialogue, free from personal unjustified hostility to the author of "And Quiet Flows the Don". An appeal to the works of S.I. Sukhikh can be useful not only for literary critics, but also for a wide audience, including high school students, philologists, journalists, literature teachers, and anyone interested in the work of M. Sholokhov. The analysis of the monographs of S.I. Sukhikh devoted to the work of M. Sholokhov yields the conclusion that Prof. Sukhikh has made a significant and still underestimated contribution to the study of the "And Quiet Flows the Don" author's legacy, and that it is necessary to republish the scientific works of S.I. Sukhikh.

Keywords: M. Sholokhov, "And Quiet Flows the Don", S. I. Sukhikh, theory of literature, literary criticism

References

Мамедов – Mamedov A. *O chem molchit reka. Ob avtorstve «Tikhogo Dona»*. [What the river is silent about. About the authorship of "Quiet Don"] Available at: <https://www.labirint.ru/now/tihiy-don-mamedov> (accessed 12.10.2020). (In Russian).

Сухих 1999 – Sukhikh S.I. *Spyry ob avtorstve «Tikhogo Dona»* [Disputes about the authorship of the "And Quiet Flows the Don"]. N. Novgorod, 1999. (In Russian).

Сухих 2006 – Sukhikh S.I. *«Tikhij Don» M. Sholokhova* ["And Quiet Flows the Don" by M. Sholokhov]. N. Novgorod, 2006. (In Russian).

Поступила в редакцию 1.07.2020